

Bugatti Veyron Лу Чжоу, с вызывающими номером Gong A.00001, красовался в обозначенной зоне, на опушке зеленого пояса, окружающего больницу. Во всем городе не сыскать было второй такой.

Лу Чжоу восседал за рулем, а Цзи Цыюань хранил молчание на пассажирском сиденье, словно тень, добровольно заключенная в роскошную клетку.

Однажды, много лет назад, Цзи Цыюань осмелился занять заднее сиденье. Лу Чжоу тогда казался потерянным, его обычно строгие и надменные брови опустились, словно у покинутого щенка. Тихим, дрожащим голосом, он спросил, почему Цыюань не хочет сидеть рядом. С тех пор Цзи Цыюань, как верный компаньон, занимал место рядом с водителем, лишь бы не видеть этой мимолетной, почти болезненной грусти в его глазах.

Лу Чжоу плавно запустил двигатель, его руки легли на руль. Он вывел машину с обочины на полосу движения, внимательно сканируя дорогу. Красный свет светофора заставил Bugatti замереть у пешеходного перехода. Лу Чжоу бросил мимолетный взгляд на Цзи Цыюаня в зеркало заднего вида, в его голосе, казалось, заиграла едва уловимая улыбка.

"Брат", - произнес Лу Чжоу.

"Что-то случилось?" - Цзи Цыюань повернул голову, любясь четким профилем Лу Чжоу. Его волевой нос взмывал ввысь, а линия подбородка была выточена рукой искусного скульптора.

"Давай сначала поужинаем. А потом ты составишь мне компанию на аукционе". Лу Чжоу, казалось, заранее знал ответ, в его словах сквозила уверенность.

За годы, проведенные рядом с этим парнем, Цзи Цыюань привык подчиняться его воле почти беспрекословно. Все, что говорил Лу Чжоу, он исполнял, как запрограммированный механизм.

Казалось, тело и разум Цзи Цыюаня находились под полным контролем Лу Чжоу, и только он сам этого не замечал, окутанный плотной пеленой слепой преданности.

Цзи Цыюань кивнул, без малейшего колебания соглашаясь: "Хорошо".

После короткой паузы, набираясь храбрости, Цзи Цыюань опустил голову и тихо попросил: "Я хочу острый хот-пот, который продают у ворот школы, можно?"

С тех пор, как Цзи Цыюань стал частью семьи Лу, он практически не имел возможности наслаждаться "запретными" уличными лакомствами. Лу Чжоу считал их нечистыми, лишенными необходимых санитарных разрешений и потенциально опасными для здоровья.

Но Цзи Цыюань, с самого детства, обожал этот простой, грубый вкус острой горячей похлебки, холодной лапши и хрустящих лепешек, которые продавали в уличных киосках.

Минуты тянулись, а Лу Чжоу молчал. Цзи Цьюань сник, понимая, что его скромная просьба осталась без ответа. Уже мысленно попрощавшись с мечтой об остром хот-поте, он вдруг услышал: "Хорошо".

Глаза Цзи Цьюаня вспыхнули, как будто в них разом зажглось целое море мерцающих звезд.

Bugatti Veuron припарковался в тени раскидистого баньяна. Лу Чжоу, выйдя из машины, окинул окрестности брезгливым взглядом.

Перед ним простиралась обычная государственная средняя школа города Гонг, расположенная в самом сердце старого района. Дома здесь дышали историей, их обветшалые стены хранили следы времени. Говорили, что район скоро снесут, но документы о сносе так и не появились, и местные жители продолжали жить в этих низких, покосившихся домах, с облупившейся краской и узкими, тесными переулками. Школа, почти незаметная, пряталась в лабиринте этих переулков.

Прямо перед школьными воротами развернулась целая феерия уличной еды: киоски, предлагающие острую хот-пот, холодную лапшу, оден, суши и другие соблазнительные лакомства. Еда здесь была вкусной и доступной по цене, что делало ее неизменно популярной среди школьников.

В детстве Цзи Цьюань обожал острый хот-пот, который продавали прямо перед школой. И спустя годы, эта любовь не угасла.

Тетя, которая торговала хот-потом, осталась все той же, только время оставило на ее лице глубокие морщины, а волосы покрылись серебром седины. Она по-прежнему приветствовала посетителей радушной улыбкой и протянула Цзи Цьюаню и Лу Чжоу две разноцветные корзинки: "Детки, выбирайте, что вам по душе! Овощи - 50 центов, мясо - юань, и лапша тоже юань".

"Спасибо, тетя", - Цзи Цьюань взял корзинку с овощами и протянул вторую Лу Чжоу.

Лицо Лу Чжоу оставалось непроницаемым, холодным, как лед. Корзинка была старой, в трещинах и щелях скопилась пыль и грязь за многие годы. Он поморщился и на мгновение заколебался, прежде чем прикоснуться к ней кончиками пальцев.

Цзи Цьюань почувствовал отвращение Лу Чжоу и промелькнула мысль: "Может, нам лучше пойти в другое место...".

"Забудь об этом", - Лу Чжоу опустил ресницы и тихо прошептал: "Это потому, что мой брат любит это есть".

Закончив фразу, Лу Чжоу выхватил из рук Цзи Цьюаня розовую корзинку с Барби и, не глядя,

выудил несколько шампуров из морозилки. Он не стал тщательно выбирать, а просто убедился, что порции достаточно, и передал корзинку тете, торгующей малатангом.

Цзи Цьюань, напротив, выбирал тщательно и с любовью. Он положил в корзину рыбные шарики, рыбный тофу, "счастливые мешочки", водоросли, грибные шарики и крабовые палочки. Наполнив корзинку до краев, он с сияющей улыбкой передал ее тете.

Тетя лучезарно улыбнулась: "Детка, тебе поострее или совсем не острое?".

Цзи Цьюань вспомнил предпочтения Лу Чжоу и ответил: "Мне острое, а ему - совсем не острое, без лука и чеснока".

"Какой же у ребенка пресный вкус", - пошутила тетя, подмигнув.

Цзи Цьюань лишь улыбнулся в ответ. Лу Чжоу был старшим сыном в семье Лу. Он родился под счастливой звездой, был любимцем судьбы и купался в роскоши. Он всегда тщательно подходил к выбору еды. Стоило ему высказать свои пожелания, и кухонный персонал старался изо всех сил, чтобы угодить его прихотям, что, конечно, делало его еще более привередливым.

Заплатив за заказ, Цзи Цьюань нашел свободный столик и сел.

Это был небольшой квадратный столик, покрытый нестандартной клеенкой. Несмотря на это, в столешнице виднелись трещины и грязь. Зная, что Лу Чжоу ценит чистоту и страдает от мизофобии, Цзи Цьюань взял несколько салфеток и тщательно вытер грязь с поверхности стола. Он помахал Лу Чжоу рукой, приглашая его сесть.

На лице того отразилось напряжение. По его мнению, и стол, и стулья были отвратительно грязными. Порой он искренне не понимал, почему Цзи Цьюань отказывается от изысканных французских ресторанов и настаивает на том, чтобы приехать в это захолустье, где нет даже элементарной медицинской лицензии, чтобы поесть этой нечистой острой похлебки.

Хот-пот приготовили на удивление быстро. Его подали в пластиковой миске, выстланной слоем полиэтиленовой пленки. Суп был насыщенного красного цвета и благоухал так же восхитительно, как и много лет назад.

Цзи Цьюань достал палочки для еды из пластикового контейнера, сорвал обертку, подхватил ими немного лапши быстрого приготовления, и хорошо знакомый вкус наполнил его рецепторы.

Он откусил хрустящий рыбный шарик, и ароматный сок брызнул ему на язык.

Он просто любил это.

В доме семьи Лу они питались только импортными фруктами и овощами, но ему они не приносили особого удовольствия.

Может быть, это потому, что ему суждено было оставаться бедным, и он не любил дорогие вещи. Простая, "приземленная" еда, такая как малатан, казалась ему верхом совершенства.

Цзи Цьюань съел до последней капли свою миску острого хот-пота. Когда он закончил, он опустил взгляд вниз и увидел, что в миске Лу Чжоу осталось еще очень много.

В этот момент Цзи Цьюань почувствовал укол раздражения и вины. Он поставил свои желания выше комфорта Лу Чжоу. "Я ведь знал, что ты не любишь острую горячую похлебку, и тебе здесь не нравится...".

Лу Чжоу улыбнулся и ответил: "Все в порядке, брат". Он протянул руку и кончиками пальцев нежно вытер красные масляные пятна вокруг губ Цзи Цьюаня. Его движения были полны заботы и нежности, словно он обращался с бесценным сокровищем.

<http://bllate.org/book/14610/1296259>